

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Б.Г.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Е.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Цель. Теоретическое обоснование модели оценки риска радикализации в подростковой среде.

Контекст и актуальность. Радикализация в подростковой среде является одной из важных проблем в современном обществе. Поиск механизмов, по которым разворачивается этот процесс, а также разработка профилактических и превентивных мер оказываются в фокусе внимания исследователей.

Используемая методология. В рамках теории социальной идентичности и с опорой на теорию неопределенности идентичности М. Хогга сформулирована и изложена модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

Основные выводы. Ключевой постулат модели оценки риска радикализации в подростковой среде таков: индивиды, имеющие множественную социальную идентичность, и индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности, различаются по тому, какие группы их привлекают (дают им значимую позитивную социальную идентичность). Индивиды, которые не имеют множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им четкий и ясный прототип.

Ключевые слова: радикализация; чувство неопределенности; социальная идентичность; модель оценки риска, подросток.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации от 13.02.2023 № 073-00038-23-02 «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитаты: Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>

Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Objective. *Elaboration of a model to assess the risk of radicalisation in adolescence.*

Background. *The problem of radicalisation in adolescence is one of the most important problems in modern society, the search for mechanisms of radicalisation, as well as the development of preventive measures are in the focus of attention of researchers.*

Methodology. *In the logic of the social identity approach and based on the uncertainty-identity theory of M. Hogg, a model for assessing the risk of radicalisation in adolescence is formulated and outlined.*

Conclusions. *The formulated model for assessing the risk of radicalisation in adolescence postulates: individuals with multiple social identities and individuals without multiple social identities differ in groups that attract them (groups that provide them with meaningful positive social identity): those without multiple social identities have a preference for a group that would give them a clear and certain prototype.*

Keywords: *radicalization; feeling of uncertainty; social identity; risk assessment model, adolescent.*

Funding. The work was performed as a part of the research project “Assessment of the radicalisation risk among young people” (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation, no. 073-00038-23-02 dated 13.02.2023).

For citation: Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Risk of Radicalisation in Adolescents: Theory, Facts and Comments. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402> (In Russ.).

Введение

Радикализация в подростковой среде является одной из важных проблем в современном обществе. Поиск механизмов, по которым разворачивается этот процесс, а также разработка профилактических и превентивных мер оказываются в фокусе внимания исследователей целого ряда наук, будь то психология, социология, психиатрия, политические, юридические и образовательные науки [11; 14; 15; 21].

Ф. Хосрохавар указывает, что радикализация подростков в Европе была выше в 2013–2016 годах, чем в настоящее время, связывая это с исчезновением ИГИЛ¹. Однако проблема радикализации по-прежнему являет собой угрозу обществу, не разрешена и требует своего дальнейшего изучения, а также соответствующей превентивной интервенции [21].

Говоря о радикализации подростков, исследователи зачастую распространяют на подростковый возраст те же знания, которые касаются радикализации взрослых, и открытым остается вопрос о том, насколько такое обобщение законно [6]. Теоретическое осмысление процесса радикализации в подростковой среде предполагает опору на теоретическую модель, которая была бы адекватна специфике подростковой среды, опиралась на экспериментальную проверку. Наконец, стоит принимать во внимание два важных факта: во-первых, специалисты в области психического здоровья, сравнивая подростков, вовлеченных в радикализацию и терроризм, с делинквентными подростками, не вовлеченными в радикализацию

и терроризм, отмечают, что *радикализованные* подростки не характеризуются какими-то определенными нарушениями психического благополучия, не имеют суицидальных тенденций, им не свойственен недостаток эмпатии [12]; во-вторых, исследователи сходятся в точке зрения, что подростковый возраст характеризуется поиском идентичности, и именно этот поиск трактуется как ключевой фактор радикализации [11], хотя радикализация является результатом целого набора иных потенциальных предикторов [17].

Идентичность так или иначе присутствует в качестве объяснительного механизма в моделях радикализации, объясняющих вовлечение взрослых людей в деятельность террористических групп [6]. Например, в моделях Р. Борема, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта [6]. Фактор идентичности включен в программы оценки риска радикализации, ориентированные на подростково-молодежную среду: в частности, в системе SAFIRE [24], разработанной для мониторинга подростково-молодежной среды, предлагается различать группы поведенческих признаков, свидетельствующих о процессе радикализации: 1) идентичность и ее поиск; 2) ингрупповая и аутгрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, и дистанцирование от привычного ближайшего окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами [24].

Приведенные выше примеры не являются исчерпывающими, однако уже

¹ Признана террористической организацией, запрещена в Российской Федерации с 29 декабря 2014 года.

на их основе представляется возможным говорить о том, что анализ процесса радикализации в подростковой среде требует такой теоретической рамки, где идентичность была бы ключевым объяснительным конструктом, при этом сама теоретическая рамка опиралась бы на экспериментальные факты. Упомянутые выше модели Р. Борема, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта являются описательными и не могут быть проверены в экспериментальном исследовании (что означало бы радикализацию испытуемых для проверки модели).

Среди различных объяснительных моделей [6] только одна соответствует этим критериям: речь идет о теории неопределенности идентичности М. Хогга [8; 19; 20], в которой объясняется психологический механизм радикализации: то, зачем и как индивид совершает выбор в пользу группы с жесткими правилами и вовлекается в деятельность во имя этой группы.

Модель оценки риска радикализации в подростковой среде

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обсудить модель оценки риска, а также критически осмыслить первые эмпирические результаты, полученные в ходе ее пилотажной проверки.

Положения теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера достаточно давно известны отечественным социальным психологам благодаря усилиям таких отечественных авторов, как П.Н. Шихирев, В.С. Агеев, Г.М. Андреева [1; 2; 7]. Будучи ограниченными рамками статьи, предельно кратко обозначим здесь ключевые теоретические положения, к которым апеллирует излагаемая модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

По определению Дж. Тернера, социальная идентичность — «когнитивный механизм, который делает возможным групповое поведение» [27, р. 21]. Это подразумевает, что групповое поведение возникает тогда, когда человек определяет себя через призму социальной идентичности (апеллируя к теории самокатегоризации Дж. Тернера, этот процесс предполагает деперсонализацию: когда Я воспринимается в терминах стереотипных характеристик ингруппы), что означает, что социальная идентичность становится более важной, первостепенной, чем персональная идентичность. Не уникальное чувство Я, а именно чувство принадлежности к группе (Мы) определяет то, как человек смотрит на мир, относится к нему, действует в нем [18]. Социальные идентичности в логике теории Дж. Тернера являют собой когнитивные представления о своем Я, основанные на групповой принадлежности, их доступность варьирует в зависимости от соответствующего социального контекста.

Восприятие себя в терминах стереотипных качеств, характерных для своей группы, в сочетании с ингрупповым фаворитизмом являются устойчивыми эффектами актуализации социальной идентичности [26].

В рамках теории социальной идентичности группа — это категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом и дифференцирующих себя от людей с другой идентичностью. Теория социальной идентичности нацелена на то, чтобы объяснить, как люди принимают социальную идентичность и ведут себя в соответствии именно с ней, а не с персональной идентичностью. Если кратко осмыслить логику этого подхода, то вслед за Н. Эллемерс и А. Хасламом стоит подчеркнуть, что теория социальной

идентичности отвечает на три основных вопроса [16]:

Первый вопрос касается психологических процессов, а именно: социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация, которые позволяют объяснить, почему и как социальные идентичности отличаются от персональных идентичностей. *Социальная категоризация* определяет то, как люди классифицируются по группам. Этот процесс позволяет индивидам реагировать на сложные социальные ситуации. Так, когда людей относят к одной и той же группе, считается, что они обладают общей определяющей характеристикой группы, именно она отличает их от других людей, не обладающих этой характеристикой. Этот психологический процесс позволяет подчеркивать сходство людей, принадлежащих к одной категории, и акцентировать внимание на отличиях от людей, которые принадлежат к другим категориям.

Посредством процесса *социального сравнения* интерпретируются и оцениваются характеристики той или иной группы. Важность этого процесса объясняется тем, что объективный стандарт для определения ценности той или иной группы отсутствует, путем социального сравнения возможно ответить на вопрос о том, является ли группа «хорошей» или «плохой».

Социальная идентификация позволяет человеку прийти к осознанию того, что он включен в определенную группу, что это членство имеет эмоциональную значимость и ценность для него.

Второй вопрос затрагивает стратегии поддержания позитивной социальной идентичности: индивидуальная мобильность, социальное творчество и социальное соревнование.

Суть стратегии *индивидуальной мобильности* заключается в том, что люди

стремятся избегать принадлежности к группе, которая обесценивает их в силу низкого социального статуса. Для преодоления этого обесценивания они стремятся быть включенными в группу с более высоким социальным статусом.

Стратегия *социального творчества* предполагает, что члены группы стремятся переопределить межгрупповое сравнение, представляя свою группу в терминах положительных, а не отрицательных характеристик (за счет изменения основания для сравнения; сравнения с другими группам; изменения значения своей группы, имеющей низкий социальный статус).

Стратегия *социального соревнования* сводится к тому, что члены группы участвуют в различных формах конфликта, направленных на изменение положения (статус-кво) своей группы.

Наконец, во внимание принимаются ключевые характеристики социальной структуры (проницаемость границ группы, стабильность статуса группы, легитимность актуальных статусных отношений), которые определяют то, какая из указанных выше стратегий поддержания позитивной социальной идентичности будет использована в том или ином случае. Стоит подчеркнуть, что речь здесь скорее идет о перцептивных процессах, связанных с этими характеристиками социальной структуры, нежели о самих характеристиках социальной структуры.

Проницаемость групповых границ подразумевает убеждение членов группы о том, что они могут действовать как независимые субъекты в данной социальной системе.

Если границы воспринимаются как проницаемые, то индивиды (в случае негативной социальной идентичности) с большей вероятностью будут стремиться к индивидуальной мобильности как при-

влекательной и жизнеспособной стратегии для достижения позитивной социальной идентичности.

Если же границы воспринимаются как непроницаемые, то индивиды, скорее всего, будут воспринимать себя связанными с группой, как результат, — будут пытаться повысить статус на уровне группы.

Стабильность статуса группы означает, что некоторые различия в статусе между группами считаются изменчивыми, другие же — стабильными. Следовательно, если различия считаются стабильными, то индивиды, чья социальная идентичность обесценивается за счет принадлежности к группе с низким статусом, с меньшей вероятностью будут выбирать стратегию социального соревнования, отдавая предпочтение стратегии индивидуальной мобильности. Однако невозможность покинуть группу в силу непроницаемости групповых границ способствует предпочтению стратегии социального творчества.

Легитимность актуальных статусных отношений касается убеждений, которые определяют мотивацию к изменениям [16].

Если обобщить сказанное выше, то стоит указать на следующие постулаты этого подхода, которые являются ключевыми для понимания излагаемой здесь модели оценки риска радикализации в подростковой среде: во-первых, индивиды стремятся к достижению или поддержанию позитивной социальной идентичности; во-вторых, позитивная социальная идентичность опирается на такие сравнения своей группы и соответствующих чужих групп, которые позволяют воспринимать свою группу как позитивно дифференцированную от чужих групп; в-третьих, негативная социальная идентичность будет подталкивать индивида к действиям, которые позволят обрести позитивную социальную идентич-

ность (среди возможностей — покинуть свою группу и присоединиться к группе, которая даст позитивную социальную идентичность, или сделать так, чтобы группа обрела позитивную социальную идентичность и пр.).

Индивиду необходимо устойчивое чувство идентичности, ибо неопределенность относительно себя затрудняет построение стратегии взаимодействия с окружающим миром [8; 19; 20]. Очевидно, что социальная идентичность, будучи интернализированной групповой принадлежностью, необходима для того, чтобы определить, *кто мы такие* в той или иной ситуации [16; 18]. Как отмечает А. Хаслам, идентификация с группой имеет для человека важные психологические последствия, а именно: группа дает ему ценности и нормы, в соответствии с которыми он действует; будучи членом группы, человек вовлекается в процессы социального влияния; степень идентификации с группой ведет к переживанию своей связи с другими членами группы. Социальная идентичность дает человеку возможность обрести смысл, цель и ценность своего существования, обеспечивает его чувством эффективности и власти [18]. Социальная идентичность позволяет человеку обрести предсказуемость окружающего мира.

В рамках теории социальной идентичности предпринимались исследования на представителях подростково-молодежной среды (например, [3; 23; 26]). Этот факт важен по двум причинам. Во-первых, он указывает на адекватность использования этого теоретического подхода для интересующей нас возрастной категории. Во-вторых, результаты таких исследований важны для понимания специфики процессов, связанных с социальной идентичностью в подростковом возрасте, поскольку можно ожидать, что

в подростковом возрасте происходят изменения, которые соответствуют персональной идентичности (той части Я, которая касается индивидуальных качеств субъекта).

Изменения, происходящие на уровне социальной идентичности в подростковом возрасте, имеют свою специфику, однако этому аспекту уделяется меньше внимания, по сравнению с персональной идентичностью [18; 26].

Обратимся здесь к результатам двух исследований, которые видятся нам адекватными в свете модели оценки риска радикализации. Так, А. Пальмонари с коллегами [23] предприняли исследование на значительной выборке представителей подростковой среды (3744 человек) и обнаружили, что сильная групповая идентификация способствует формированию самооценки, а также помогает справляться с проблемами подросткового возраста [23].

В другой работе, реализованной К. Танти с коллегами [26], на выборке подростков ($n = 380$ человек, разделенных на три возрастных периода: 12–13,5, 15–16,6, 18–20 лет) была выявлена важность социальной идентичности, связанной с группой сверстников (определение своего Я через принадлежность к группе сверстников), в раннем и позднем подростковом возрастах, что соответствует изменениям, характерным для этого возрастного периода. Исследователи подчеркивают, что именно те периоды, где социальная идентичность, получаемая в группе сверстников, оказывается более важной, по сравнению с гендерной идентичностью, соответствуют моментам изменений в социальном окружении (переход из начальной в среднюю школу или окончание школы) [26]. Этот факт примечателен и может быть рассмотрен в логике теории неопределенности идентичности:

моменты неопределенности повышают значимость социальной идентичности.

Потенциал теории социальной идентичности позволил сформулировать целый ряд оригинальных концепций, основанных на ее основных постулатах [3; 18–20], и теория неопределенности-идентичности — одна из них.

Преимущество теории М. Хогга, по сравнению с другими объяснительными схемами радикализации, заключается в ее релевантности процессам и явлениям современного мира, пугающим своей неопределенностью и непредсказуемостью [8].

Конструкт неопределенности не является чем-то новым в психологии: стоит вспомнить, к примеру, труды Э. Фромма, Л. Фестингера, Д. Канемана, А.Г. Асмолова, Д.А. Леонтьева, Т.А. Нестика и многих других [5; 19]. В то же время необходимо отметить, что трактовка неопределенности М. Хогга существенно отличается от того, как это делается в работах указанных авторов. М. Хогг исходит из того, что неопределенность зависит именно от социального контекста, а не от особенностей индивида. С точки зрения Хогга, посредством социально-когнитивного процесса неопределенность трансформируется в групповое поведение [19; 20].

Теория М. Хогга в определенном смысле оказывается *вне конкуренции* по сравнению с другими моделями благодаря релевантности историческим фактам: неопределенность в обществе сопровождается религиозным фанатизмом и предпочтением в пользу экстремистских и радикальных идей [19]. И это справедливо как для XX, так и для XXI веков.

Логика модели неопределенности идентичности М. Хогга может быть сформулирована так: индивид испытывает чувство неопределенности, переживает его как угрозу в отношении собственного Я. Для того, чтобы снизить эту неопре-

деленность, человек ищет группу, или групповой прототип (который в рамках подхода социальной идентичности определяется как некоторый расплывчатый набор атрибутов, объединяющих восприятие, аттитюды, чувства индивида и предписывающих ему то или иное поведение. Иначе говоря, прототип заключает в себе знание, на основе которого можно отличить одну группу от другой: «мы — такие», «они — другие» [18]). В ситуации неопределенности привлекательными оказываются не любые группы, но исключительно такие, которые дают индивиду простой, ясный и четкий прототип. Итак, неопределенность снижается, поскольку человек получает знание о том, что ему думать и чувствовать, как поступать в той или иной ситуации [8].

Эта теория имеет очень важное следствие, которое является ключевым для понимания процесса радикализации. Люди становятся членами группировок с радикальными (экстремистскими) взглядами (или радикализируются), потому что переживание неопределенности оборачивается идентификацией с группами, имеющими крайние позиции; отсюда, чем в большей степени человек идентифицируется с такими группами, тем выше вероятность того, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы (такова цена снижения чувства неопределенности). Таким образом, социальная идентичность, являясь единственной, ригидной и предписывающей в чрезвычайной степени, подталкивает индивида к совершению действий в пользу этой группы. Тогда радикализация — это процесс поиска и обретения социальной идентичности, которая снизила бы чувство неопределенности, испытываемое индивидом [19; 20].

Следуя за положениями теории социальной идентичности, а также принимая

идеи теории М. Хогга [19; 20], нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростковой среде [4]. Исходным конструктом модели оценки риска является социальная идентичность, та самая интернализованная принадлежность человека к группе, которая позволяет ему ответить на вопрос: «Кто я такой в данном контексте?». Чувство неопределенности сопряжено с особенностями социальной идентичности, поскольку человек, испытывая это чувство, задается вопросами: «Что делать?», «Кем быть?», «Что думать?». Чувство неопределенности интерпретируется как производная от социального контекста, а не особенность, присущая личности радикализирующегося субъекта, что соответствует логике М. Хогга.

Принимая во внимание тезис Г. Тэшфела о том, что человек обладает рядом социальных идентичностей, некоторые из которых важны для него, другие — нет [16], в модели оценки риска радикализации учитываются особенности социальной идентичности индивида. А. Хаслам [18] в рамках новой психологии здоровья развивает тезис о том, что множественность позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, оказывается серьезным потенциалом для соматического благополучия индивида, что объясняется приумножением тех преимуществ психологического толка, которые индивид извлекает из группового членства [18]. Идентификация с различными группами является своего рода ресурсом, «удерживающим» от радикализации фактором, отсутствие множественных позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, является фактором, «подталкивающим» в сторону радикализации. Если индивид не обладает преимуществами, обозначенными выше, то

под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей, а это побуждает к изменению ситуации.

В модели оценки риска радикализации уделяется внимание специфике групп, с которыми идентифицируется индивид, учитывается, являются ли они малыми (семья, друзья, школьный класс) или большими группами (этнос, возрастная, гендерная группа). Насколько позволяют судить результаты, полученные Б. Ликелем с коллегами [22], семья и друзья — это примеры высоко энтитативных групп. Коль скоро радикализация — это процесс поиска социальной идентичности (или поиска определенного группового прототипа), то факт отстранения от семьи и друзей являет собой указание на потерю социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения [24]. Это еще один индикатор уязвимости индивида, «подталкивающий» фактор с точки зрения процесса радикализации. В модели SAFIRE отстранение от ближайшего окружения соответствует третьей стадии процесса радикализации [4].

Анализ специфики социальных идентичностей индивида предполагает изучение особенностей групп, к которым принадлежит индивид, а также особенностей группы, к которой индивид хотел бы присоединиться (т.е. речь идет об анализе прототипа группы). В результате мы получаем ответ на вопрос об особенностях *психологического ресурса*, которым располагает индивид. Кроме того, группа, к которой стремится присоединиться индивид с чувством неопределенности, должна характеризоваться высокой степенью энтитативности (или же восприниматься как высоко энтитативная) [4; 19; 20]. Отсюда — индивиды с множественной социальной идентичностью и индивиды с недостаточной социальной

идентичностью разнятся по тому, какие группы их привлекают, какие социальные идентичности они хотели бы иметь, т.е. прототип искомой группы у этих индивидов должен быть различным. Для индивидов с недостаточной социальной идентичностью привлекательной должна быть группа, предлагающая простой и ясный прототип.

В модели оценки риска радикализации в подростковой среде учитывается, что динамика радикализации может быть зафиксирована как качественные различия в самом начале и в конце пути прихода к легитимизации терроризма. Это согласуется с логикой, которая лежит в основе постадийных моделей радикализации [6; 24]: изначально события, связанные с радикализацией, происходят преимущественно в когнитивном плане, на стадиях, приближенных к завершению радикализации, этот процесс реализуется в поведенческом плане.

Первоначальные стадии радикализации, если рассматривать их в логике модели, охарактеризованной выше, сопряжены с переживанием неопределенности и поиском способов ее снижения [4]. Индивид ищет не просто социальную идентичность, но специфическую социальную идентичность (прототип, соответствующий высоко энтитативной группе, ибо он прост и ясен) [10; 13]. Ситуация этого индивида характеризуется недостаточностью социальных идентичностей, отсутствием идентификации с группами, которые бы помогли ему снизить чувство неопределенности. Подчеркнем, что пока еще открытым остается вопрос о том, что именно происходит на когнитивном уровне индивида до того, как в поведенческом плане будут заметны признаки радикализации [4].

В постадийных моделях радикализации уделяется внимание анализу

трансформаций социально-перцептивных процессов [6]. Подчеркнем, что эти трансформации становятся понятными в рамках подхода социальной идентичности. Более того, идея трансформации социально-перцептивных процессов особенно интересна в связи с тем, что на поздних стадиях процесса радикализации индивиды выстраивают определенную дистанцию с ближайшим окружением (семья, друзья) [24]. Используя модель Хогга [19; 20], можно говорить о том, что имеет место процесс деидентификации с этими группами.

Подводя итог, укажем на необходимость исследования, которое позволило бы проверить сформулированную выше модель оценки риска радикализации в подростковой среде. В частности, проверке подлежит предположение, согласно которому индивиды, не имеющие множественной социальной идентичности (набора позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, особенно если среди этих идентичностей отсутствуют идентичности, получаемые в группах близкого окружения — семьи и друзей), испытывают чувство неопределенности, которое подталкивает их к поиску социальной идентичности (или группового прототипа) в высоко энтитативной группе для снижения этого чрезвычайно неприятного чувства путем обретения однозначного четкого прототипа [4].

Особенное внимание стоит обратить на тот факт, что модели оценки риска в целом и радикализации в частности сопряжены с рядом этических проблем, о чем говорится в соответствующей литературе [24]. Такие модели позволяют говорить о распознавании уязвимых индивидов, однако наряду с этим необходимы дополнительные диагностические процедуры для получения более детальной и

глубокой картины в случае каждого индивида, категоризованного *как уязвимо*. В излагаемой здесь модели этическая сторона вопроса принимается во внимание следующим образом: индивиды, у которых обнаруживается сочетание ряда «подталкивающих» к радикализации факторов, должны быть подвергнуты дополнительной диагностической процедуре. В частности, речь идет об использовании процедуры картографирования социальной идентичности [9].

Изложенная здесь модель оценки риска радикализации в подростковой среде получила первую эмпирическую проверку в пилотажном исследовании [4]: результаты свидетельствуют о частичной эмпирической поддержке предположения, согласно которому недостаточная социальная идентичность являет собой предиктор поиска четкого и ясного группового прототипа.

Образы привлекательной и непривлекательной групп обнаруживают большее сходство у школьников с недостаточной социальной идентичностью, по сравнению со школьниками с множественной социальной идентичностью. Факт аморфности границ между привлекательной и непривлекательной группами может быть проинтерпретирован как еще один показатель переживания неопределенности. По модели SAFIRE это вполне соответствует первой стадии процесса радикализации [24]. Особенно если принимать во внимание то, что эти подростки не рассматривают группы из ближайшего окружения (семья и друзья) как своего рода ресурс для идентификации для получения позитивной социальной идентичности. Отсюда, представляется возможным говорить о том, что эти подростки (в логике модели Хогга) с большой вероятностью будут уязвимы в поиске простого и ясного группового прототипа [4].

Заключение

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обсудить модель оценки риска, а также критически осмыслить первые эмпирические результаты, полученные в ходе ее пилотажной проверки.

В рамках теории социальной идентичности [16; 18; 25; 27], следуя за идеями теории неопределенности идентичности М. Хогга [8; 19; 20], которая «унаследовала» сильные стороны подхода социальной идентичности (в частности, это касается артикуляции индивидуального и социального, что позволяет объяснять то, как действия индивида определяются социальными силами [19; 20]), нами была сформулирована модель оценки риска радикализации в подростковой среде.

В модели М. Хогга чувство неопределенности, которое испытывает индивид, подталкивает его в сторону предпочтения такой группы, которая обеспечила бы его новой социальной идентичностью (всеохватывающей, ригидной, эксклюзивной, предписывающей в крайней степени) [8; 19; 20]. Индивиды, имеющие множественную социальную идентич-

ность, и индивиды, не имеющие одной, различаются по тому, какие группы их привлекают (другими словами, дают значимую позитивную социальную идентичность), а именно: те, кто не имеет множественной социальной идентичности, отдают предпочтение в пользу группы, которая дала бы им четкий, ясный, однозначный прототип.

Первые результаты пилотажного исследования [4], полученные на выборке представителей подростковой среды, обладают определенной ценностью, позволяя дифференцировать групповой прототип в группах школьников с недостаточной и множественной социальными идентичностями.

Очевидно, что изложенная здесь модель предполагает реализацию последующих исследований, направленных на проверку основополагающего предположения модели оценки риска, что позволило бы сделать более определенные выводы относительно факторов, которые подталкивают к радикализации, и факторов, которые удерживают подростков от вступления на опасный путь, ведущий к легитимизации терроризма.

Литература

1. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: МГУ, 1983. 144 с.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект пресс. 2000. 288 с.
3. Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2006. 390 с.
4. Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б. Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307
5. Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 546 с.
6. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Виттила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. DOI:10.17759/chp.2017130305
7. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: ИП РАН, 1999. 447 с.

8. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes* / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
9. *Bentley S.V. et al.* A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond* / In I. Winkler, S. Reissner, R. Pereira (Eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023. P. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018
10. *Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S.* Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2020. Vol. 23. P. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577
11. *Bronsard G., Cherney A., Vermeulen F.* Editorial: Radicalization Among Adolescents // *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.917557
12. *Bronsard G. et al.* Adolescents Engaged in Radicalisation and Terrorism: A Dimensional and Categorical Assessment // *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2021.774063
13. *Campbell D.* Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14–25. DOI:10.1002/bs.3830030103
14. *Campelo N. et al.* A Clinical and Psychopathological Approach to Radicalization Among Adolescents // *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.788154
15. *Chantepey-Touil C.* Adolescence et radicalisation: une nouvelle conduite à risque. *Diversité*. 2023. Vol. 17. URL: <https://publications-prairial.fr/diversite/index.php?id=3611> (дата обращения: 31.10.2023).
16. *Ellemers N., Haslam S.A.* Social identity theory / In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.) // *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd., 2012. P. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n45
17. *Emmelkamp J. et al.* Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: a multilevel meta-analysis // *Aggression and Violent Behaviour*. 2020. Vol. 55. DOI:10.1016/j.avb.2020.101489
18. *Haslam C. et al.* *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 490 p. DOI:10.4324/9781315648569
19. *Hogg M.A.* Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. P. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628
20. *Hogg M.A.* Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership // *Journal of Social Issues*. 2023. Vol. 79. P. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584
21. *Khosrokhavar F.* *Radicalisation*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2019. 192 p.
22. *Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N.* Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78(2). P. 223–246. DOI:10.1037/0022-3514.78.2.223
23. *Palmonari A., Pombeni M.L., Kirchler E.* Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks // *Social Behaviour*. 1990. Vol. 5(1). P. 33–48.
24. *Sarma K.M.* Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72(3). P. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121
25. *Tajfel H.* *La catégorisation sociale* // *Introduction à la psychologie sociale* / S. Moscovici (ed.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
26. *Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M.* Social identity change: shifts in social identity during adolescence // *Journal of Adolescence*. 2011. Vol. 34(3). P. 555–567. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.05.012

27. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social identity and intergroup relations / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.

References

1. Ageev V.S. Psikhologiya mezhgruppovykh otnoshenii [Psychology of intergroup relations]. Moscow: MGU, 1983. 144 p. (In Russ.).
2. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt press, 2000. 288 p. (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Identichnost' lichnosti v usloviyakh sotsial'nykh izmenenii. Diss. dokt. psikhol. nauk [Personal identity in the context of social changes. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2006. 390 p. (In Russ.).
4. Dvoryanchikov N.V., Bovin B.G., Melnikova D.V., Belova E.D., Bovina I.B. Otsenka riska radikalizatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede: nekotorye empiricheskie fakty [Elektronnyi resurs] [Assessing the Risk of Radicalisation in Adolescents and Young Adults: Some Empirical Evidence]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 93–107. DOI:10.17759/psylaw.2023130307 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen [Mobilis in mobili: personality in time of changes] / Pod obshch. red. A.G. Asmolova. Moscow: Publishing house YaSK, 2018. 546 p. (In Russ.).
6. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoi srede: v poiskakh ob'yasnitel'noi skhemy [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32–40. DOI:10.17759/chp.2017130305 (In Russ.).
7. Shikhirev P.N. Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya [Modern social psychology]. Moscow: Publishing house of Russian Academy of Science, 1999. (In Russ.).
8. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
9. Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections In Winkler I., Reissner S., Pereira R. (eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations: Usual Suspects and Beyond*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2023, pp. 87–102. DOI:10.4337/9781802207972.00018
10. Blanchard A.L., Caudill L.E., Walker L.S. Developing an entitativity measure and distinguishing it from antecedents and outcomes within online and face-to-face groups. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2020. Vol. 23, pp. 91–108. DOI:10.1177/1368430217743577
11. Bronsard G., Cherney A., Vermeulen F. Editorial: Radicalization Among Adolescents. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.917557
12. Bronsard G. et al. Adolescents Engaged in Radicalisation and Terrorism: A Dimensional and Categorical Assessment. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2021.774063
13. Campbell D. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregates of Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp. 14–25. DOI:10.1002/bs.3830030103
14. Campelo N. et al. Clinical and Psychopathological Approach to Radicalization Among Adolescents. *Frontiers in psychiatry*, 2022. Vol. 13. DOI:10.3389/fpsy.2022.788154
15. Chantepy-Touil C. Adolescence et radicalisation: une nouvelle conduite à risque. *Diversité*, 2023. Vol. 17. URL: <https://publications-prairial.fr/diversite/index.php?id=3611> (Accessed 31.10.2023).

16. Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory. In: P.A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd., 2012, pp. 379–398. DOI:10.4135/9781446249222.n45
17. Emmelkamp J., Asscher J.J., Wissink I.B., Stams G.J.J. Risk factors for (violent) radicalization in juveniles: a multilevel meta-analysis. *Aggression and Violent Behaviour*, 2020. Vol. 55. DOI:10.1016/j.avb.2020.101489
18. Haslam C. et al. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 490 p. DOI:10.4324/9781315648569
19. Hogg M.A. Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 2021. Vol. 32, pp. 235–268. DOI:10.1080/10463283.2020.1827628
20. Hogg M.A. Walls between groups: Self-uncertainty, social identity, and intergroup leadership. *Journal of Social Issues*, 2023. Vol. 79, pp. 825–840. DOI:10.1111/josi.12584
21. Khosrokhavar F. *Radicalisation*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2019. 192 p.
22. Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78, no. 2, pp. 223–246. DOI:10.1037/0022-3514.78.2.223
23. Palmonari A., Pombeni M.L., Kirchler E. Adolescents and their peer groups: a study on the significance of peers, social categorization processes and coping with developmental tasks. *Social Behaviour*, 1990. Vol. 5, no. 1, pp. 33–48.
24. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 278–288. DOI:10.1037/amp0000121
25. Tajfel H. La catégorisation sociale. In S. Moscovici (ed.). *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse, 1972, pp. 272–302.
26. Tanti C., Stukas A.A., Halloran M.J., Foddy M. Social identity change: shifts in social identity during adolescence. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34, no. 3, pp. 555–567. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.05.012
27. Turner J. Towards a cognitive redefinition of the social group. In: *Social identity and intergroup relations* / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 15–40.

Информация об авторах

Дворяничков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Белова Евгения Дмитриевна, специалист, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Evgeniya D. Belova, Specialist, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0747-6121>, e-mail: edbelova@mgppu.ru

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Получена 01.10.2023

Принята в печать 11.11.2023

Received 01.10.2023

Accepted 11.11.2023